

Ричард Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – гранд

«ЭКСМО»

2011

Орловский Г.

Ричард Длинные Руки – гранд / Г. Орловский — «Эксмо»,
2011 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-53941-3

Сэр Ричард твердо, решительно и наотрез отказался от королевской короны, ему не нужны новые проблемы. Его верные лорды, прекрасная эльфийка, маги, капитаны океанских кораблей уговаривали напрасно. Потому что под простым, ясным и для всех обнародованным планом своего сюзерена таится еще один. О котором знает только он. И если о нем узнает хотя бы подушка, он ее сожжет.

ISBN 978-5-699-53941-3

© Орловский Г., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – гранд

Часть первая

Глава 1

Когда произносится слово «ребенок», у меня почему-то ассоциации всегда с мальчиком, хотя да, понимаю, ребенок – это нечто общее, девочка все-таки тоже в какой-то степени ребенок, хоть и не совсем, да.

Изаэль весело показала мне язык, еще остроконечнее и длиннее, чем ее уши, но такой же фигурно вырезанный, с милой ложбинкой посередине, и даже сделала его умильной трубочкой.

– Останешься мужем Гелионтэль, – прощепетала она ехидно, – навеки!

– Брехня, – сказал я, – пока не родится мальчик!

Она фыркнула.

– Да? И не мечтай!.. У нас рожают раз в сто лет. Если вообще очень сильно повезет насчет второго раза.

Я пробормотал:

– Это что, вы от галапагосских черепах, что ли?.. Ну я даю, ну я орел... Хотя вообще-то я ж не черепах? Может быть, мои дурные гены поборют ваши мудрые. В жизни дурак всегда побеждает, не знали?.. Эх, не видели, кто в правительстве... В общем, я ради друга Астральм-эля должен хоть из кожи вылезти, но постараться насчет наследника мужского пола, звания и титула.

Она мило опустила громадные ресницы, пряча смех. Вообще-то меня не пугает перспектива остаться вечным мужем прекрасной эльфийки. В этом мире мужчины гибнут часто, потому даже церковь разрешает разные варианты тетравленда, хотя и не поощряет, как было после великой чумы, когда нужно было просто спасти население Европы.

Вошел сэра Вайтхолд, собранный и чопорный. На пороге застыл только на мгновение, но, настоящий аристократ, вежливо и с достоинством поклонился даме. Я восхитился, с каким хладнокровием и воспитанием высокороджденного не замечает ни ее громадных дивных глаз ресницами в ладонь, ни торчащих розовых ушей.

– Ваша светлость, – произнес он ровным голосом, – ужинать будете в зале или... в виде исключения?

– В виде, – ответил я. – Я чавкаю, знаете ли. И не хочу сдерживаться. Это портит удовольствие.

– Хорошо, – сказал он. – Я распоряжусь.

Он направился к двери, а там вдруг повернулся так резко, что Изаэль, как догадываюсь по шороху, едва не выскочила от испуга в окно.

Взгляд его снова направлен только на меня, но с такого расстояния точно держит в поле зрения и прекрасную эльфийку.

– На двоих?

Я кивнул.

– Да, а то она все у меня пожрет. Хоть и маленькая, но прожорливая.

– Что-нибудь, – проговорил он с сомнением, – не простое?

Я посмотрел с любопытством на него, на замершую в божественном испуге эльфийку.

– А спросите, сэра Вайтхолд, у нее лично.

Он отвесил совсем уж учтивый поклон гостье:

– Леди... вам что-нибудь специальное подать?

Напряжение и страх еще не оставляли ее. Но она превозмогла себя и ответила чистым высоким голосом, как птичка, научившаяся говорить по-человечески:

– Да... если можно.

– Что? – спросил он и, видя ее непонимающий взгляд, пояснил: – Нашу еду или что-то особое? Жареных птичек или сушеных червячков, например?.. Можно мучных червей...

Она явно струсилась, но отважно пропищала:

– Мне достаточно хрюктов.

Он сказал с облегчением:

– Сейчас все будет, благородная... гм, леди.

Она не сдвигалась с места, глаза огромные, будто все еще не верит, что это происходит в самом деле, у нее что-то вежливо спрашивают, а не бросаются с кулаками.

В комнату начали входить слуги, тихие и молчаливые, перекладывали с подносов на стол блюда с крупными гроздьями роскошного винограда, сочные краснобокие яблоки, груши, в отдельных вазочках клубника, земляника, черника, черная и красная смородина.

На застывшую эльфийку поглядывали с жадным любопытством, уходили чуть ли не на цыпочках.

Когда за последним закрылась неслышно дверь, я сказал весело:

– Ну что? Не съели?

Она с трудом перевела дух, но с самым независимым видом пожала узкими плечиками:

– Подумаешь! Это потому, что я твоя гостья, а тебя все боятся. А так бы палками забили.

– Рыцари, – сказал я, – отнесутся дружелюбно. И вся знать. Потому на всякий случай сперва держись их общества. И вообще их круга, это защита. А потом и простой народ смирится...

Она в нерешительности смотрела на блюда с жареным гусем, кусками оленины, на коричневые комочки запеченных в тесте мелких птичек.

Я сказал ободряюще:

– Тебе не обязательно есть все! Можешь выбрать...

Она пробормотала:

– Да тут все... несъедобное...

– Ошибаешься, – сказал я. – Ты что, собираешься все время сидеть в плаще? Или ты под ним голая?.. Сними и повесь во-о-он туда! На тот рог, что возле гобелена с охотой...

Она сняла плащ и послушно отправилась вешать на указанный олений рог, а я торопливо сотворил несколько ломтей сыра разных сортов, кусок сотового меда и мороженое шариками в вазочке.

Больше не успел, она зацепила плащ, по-женски хозяйственно расправила складки и пошла обратно. Ее глаза разом стали еще громаднее и вытаращенное.

– А этого, – прошептала она в испуге, – я не заметила...

– Женщины такие невнимательные, – сказал я обидчиво. – Мы для вас, как рыбы о дерево... Начни с сыра. В нем нет крови. А потом это вот кругленькое.

Она подседа за стол, я видел, как оглядывает блюда и вазы с фруктами, в глазах любопытство, у эльфов почти все есть, но мелкое, дикое, а здесь окультуренное, отобранное даже не за века, за тысячелетия. Дикие яблоки, к примеру, у них размером с грецкий орех, а вот эти, что на столе, можно брать в обе ладони.

Сыр она лопала с аппетитом, восторгалась нежнейшим вкусом, а когда очередь дошла до мороженого, вообще пришла в восторг, завизжала, как мелкая зверушка:

– Что это?.. Я никогда такого не пробовала!

– Даже королева Синтифаэль не едала, – сказал я гордо, – не едывала.

– А ты откуда знаешь?

– Можешь спросить.

– А ты чего это не ешь? – поинтересовалась она. – ЖЫвотное, как ты можешь вот так пожирать мясо?..

– Могу, – заверил я. – С аппетитом. Я пожиратель, предатор! А ты, как разведчица в мире людей, должна бы научиться тоже.

– Да ни за что, – промычала она с набитым ртом.

– Страшно?

– Мы – эльфы, благородный и высокорожденный народ!

– Это где ж высоко, – спросил я, – на дереве? Так пора слезть и быть к людям поближе. У нас много чего есть. Как мороженое?

– Вот эти шарики? Они сами тают во рту!

– Лопай-лопай, – сказал я заботливо, – только не простудись с непривычки. Вы тут, дикари, и снега, наверное, не видели...

За окном уже темно, в небе ярко горит одинокая звезда, Изаэль покосилась в ту сторону и чуточку отодвинулась вместе со стулом, уходя из-под строгого взгляда колючего глаза. Крыши домов и построек тускло блестят в лунном свете, воздух тих и неподвижен, как и этот призрачный свет, который так любят эльфы. Или не эльфы, а феи...

Заканчивая с мороженым, она тревожно покосилась огромными пугливыми глазами на мою постель. В ее взгляде я прочел мучительное колебание. Мне показалось, что сердечко ее стучит учащенно, даже дыхание, как у маленького олененка, что в страхе бежит и бежит через темный лес, потеряв маму.

Я поинтересовался как можно мягче:

– Наелась?.. Или что-то заказать еще?

– Спасибо, – просипела она застывшим горлом, – а то я уже замерзла вся... И вообще...

– Что-то не так? – спросил я. – Только скажи.

Она вздрогнула и затрясла головой:

– Нет, все так... Просто ночью возвращаться ой как страшно! Я все удивляюсь, как это я вдруг решила пробраться в этот ужас, где живут эти чудовища. Наверное, очень хотелось перед своими похвастаться.

– Ты невероятно отважная, – сказал я с сочувствием. – Просто, я даже не знаю, какая ты! К счастью, хозяин здесь я, и потому весь дворец в твоём распоряжении, а он крупнейший! Только скажи, и любая комната или зал станет твоей спальней.

Она сказала обрадованно:

– Ой, как здорово! Буду рассказывать, никто не поверит... Только знаешь...

Она посмотрела на дверь, вздрогнула и съежилась.

– Что? – спросил я.

Она вскинула мордочку, огромные глазищи безумно-яркого синего цвета, небесный аквариум какой-то, беспомощно-испуганное выражение, всмотрелась снизу вверх в мое лицо.

– У вас все страшно, – пожаловалась она. – А в этом огромном нагромождении каменных глыб мне так жутко, что могу уписаться. Я храбрая и отважная, но вообще-то трусливая. Я лягу с тобой, хорошо?

Я пробормотал чуточку ошалело:

– Благодарю за доверие, даже не знаю, комплимент это или оскорбление... Конечно, я не против, еще как не против... Но, понимаешь, я не дерево, как бы не совсем дерево, а то и вовсе не дерево...

Я чувствовал, что несу какую-то чушь, но Изаэль заметно приободрилась, смотрит с любопытством, в безумной синеве ее глазищ загорелись веселые огоньки.

– Я разведчица, – сказала она почти задорным, хотя все еще трусливым голоском, – помнишь?

– Ну...

– Мы давно наблюдаем за людьми, – напомнила она. – Помнишь, как мы встретились? И мне всегда было любопытно, что вы за существа такие странные и непонятственные?

Я пробормотал:

– Ну, как тебе сказать... Самый лучший способ узнать – это не прятаться в лесу, а вот так, как ты. Пришла и жрешь, как суслик, да еще и командуешь.

Она возмутилась:

– Я?.. Да в мире нет более тихой мышки!

– Тогда вот что, мышка, – сказал я дружески. – Раздевайся и лезь под одеяло. Кровать громадная, одеялом можно огород накрывать, так что до утра не встретимся.

– Отвернись, – потребовала она.

Я отвернулся, слышал как за спиной шелестит ее сбрасываемая одежда, затем прошлепали по полу легкие босые лапки, словно пробежал утенок, колыхнулся воздух от поднятого одеяла, и, наконец, донесся ее пищащий голосок:

– Можешь поворачиваться.

Она устроилась на боку, укрывшись по самое ухо, глаза блестят страхом и жадным любопытством, а наблюдает за мной, как мелкий зверек из норки.

Приотворилась дверь, сэра Вайтхолд вошел степенный, глядящий прямо перед собой и не замечающий никакой постели.

– Ваша светлость, – сказал он чересчур громко, – простите, что так поздно, но управитель уверяет насчет чрезвычайности.

– Давай его сюда, – велел я.

Он все-таки повел глазом в сторону ложа, но Изаэль юркнула под одеяло вся, только кончик уха остался торчать, весьма незамеченный его хозяйкой.

Сэр Вайтхолд вышел, Изаэль снова высунулась и только открыла рот, чтобы сказать что-то или спросить, как появился Бальза, он не вошел, а вбежал бодрым петушком, сразу закладывая много раз.

– Ваша светлость, – сказал он быстро, – я знаю, как вы безумно заняты и работаете, как отец народа, даже ночью, потому и решил только ввиду чрезвычайной срочности и безотлагательности!..

– Хорошо-хорошо, – прервал я его нетерпеливо.

– Я всего в двух словах! – заверил он.

– Говори, – велел я.

– Несмотря на все ваши усилия, – сказал он скороговоркой, – несколько лордов все же намереваются, используя смерть короля-тирана, вернуть себе старые права и привилегии.

– Которые отнял я?

– Нет-нет, что вы, ваша светлость! Которые отнял тот жестокий тиран, справедливо свергнутый вашей светлостью!

– Это хорошо, – сказал я, – что еще те привилегии... Дальше.

– В том числе, – закончил он и поклонился, – хотят вернуть и собственные армии из вассалов.

– А это уже серьезно, – сказал я. – Имена, адреса?

Он вытащил из складок необъятного халата небольшой сложенный вчетверо листок.

– Вот здесь, ваша светлость. Простите, что мелкими буквами... Таился, когда записывал. Рисковал.

В списке двенадцать имен, напротив каждого Бальза проставил еще более мелкими цифирками размер занимаемых земель, сумму годового дохода и количество рыцарей в личной дружине.

Глава 2

Я читал, поглядывая на него поверх списка. Бальза напоминает тех византийских евнухов, которых я, понятно, не видел, но слышал. Якобы они управляли империей, в то время как императоры там сменялись, убивали, травили и душили друг друга, а спасал страну от гибели какой-нибудь кастрированный в молодости Нарзес.

Правда, Бальза не будет у меня командовать войсками, как делал этот Нарзес, сумевший уничтожить государство остготов, считавшихся до того непобедимыми, но создавать армию, комплектовать, одевать и кормить – да, это сможет, как мне кажется.

Сейчас старается выглядеть услужливым и глуповатым, у таких меньше недоброжелателей, мудрый ход, но правители должны видеть то, что есть на самом деле, а не то, что им показывают.

– Бальза, – сказал я, – ты сделал очень важное дело, раскрыв серьезный государственный заговор. Следи за ними и дальше. Если поболтают и успокоятся, то ничего не предпринимай, у нас свобода слова, совести и конфессий, а если вздумают выступить, сразу дай знать заранее. Если выполнишь, велю добавить к твоему фамильному имени «к», и это останется также и для твоих потомков.

Он икнул от неожиданности, пал на колени и проговорил, запинаясь:

– Ваша светлость!.. Это слишком, слишком много за мои скромные усилия...

– Значит, – сказал я важно, – делай так, чтоб они были не слишком уж скромными! Кроме того, как я уже говорил, я продолжаю политику Гиллеберда.

– Ваша светлость?

– Это значит, – пояснил я, – мне нужна сильная и боеспособная армия, что подчиняется именно центральной власти.

Он поклонился.

– Да-да, ваша светлость! Тому, кто платит.

– Вижу, – сказал я одобрительно, – ты все понял правильно. Действуй в этом направлении.

Он исчез непривычно быстро для своей громадной туши. Мое обещание прибавить аристократическое «к» к его простонародному имени сразу же переводит его в разряд потомственных аристократов. Помню, так поступил один из писателей, что страдал от своего плебейского происхождения, и эту важную букву втихую присобачил к своему фамильному имени сам.

Изаэль высунулась из-под одеяла по плечи, по-детски угловатые, милые, как у девочки-подростка, сказала недовольно:

– Это что, они к тебе и в спальню вот так?

Я раскрыл рот, чтобы ответить умно и с достоинством, но вошел сэр Вайтхолд, повел в сторону юркнувшего под одеяло существа ничего не выражающим взглядом.

– Ваша светлость, нужно подписать некоторые бумаги...

– Давай, – ответил я обреченно. – Надеюсь, действительно срочные.

– Срочные я оставил на утро, – буркнул он.

– А это?

– Безотлагательные, и весьма.

Он выложил на стол целую стопку и начал подавать по одному листу. Я быстро подписался вычурно и замысловато, во всем Сен-Мари только я могу вот так лихо, как заправский писарь, у всех пальцы привычны больше к рукояти меча, топора, дубины или лопаты.

Сэр Вайтхолд молча ждал, я щелчком ногтя отправил лист на его сторону стола, он ухватил, быстро посыпал мелким песочком, подул, сильно выпячивая щеки и становясь похожим на Борея, каким его изображают на углах всех карт, быстро и ловко сложил вчетверо, левая рука

еще прижимает края, а правая ухватила за ручку крохотный ковшик, я бесстрастно наблюдал, как поднес узкий носик к сгибу, полилась тонкая красная струйка расплавленного сургуча.

Так же артистично быстро он вернул ковшик на подставку, под ней вяло горит крохотная свеча, а письмо обеими руками, это знак почтения, передвинул ко мне, продолжая зажимать края.

Я взял печать, похожую на фигурку ферзя, прижал доньшком к красной лужице, и когда через пару секунд отнял, там остался красивый оттиск моей гербовой печати.

Он тут же передвинул бумагу по столу на свою сторону, снова подул на печать, поклонился и, быстро повернувшись, пошел к двери. Я видел в открытую дверь, как жестом подозвал невидимого мне помощника и вручил мое письмо.

Дальше, насколько помню эту процедуру, помощник выйдет в соседнюю комнату, где молча ждут молодые и бодрые парни в одежде королевских гонцов, сунет первому от двери, тот ухватит письмо и помчится со всех ног, прыгая через три ступеньки, пока не выскочит во двор, где уже ждут оседланные кони, а остальные гонцы синхронно передвинутся на одно сиденье ближе к двери.

Все проделывается молча, ни единого лишнего жеста, а когда величаво вернулся, то провозгласил мощно, как дворецкий:

– Следующее!

Это, как я понимаю, на тот случай, если я уже заснул в государственных заботах о судьбах королевства.

Остальные бумаги, к счастью, нужно только подписывать, обычные вельможные указы и эдикты, одни будут оглашены в Савуази, другие молча останутся при дворе как инструкции к применению.

Изаэль, любопытствуя, высунулась из-под одеяла до половины и старалась разглядеть, что мы делаем такое непонятое, но едва сэр Вайтхолд сделал движение чуть повернуться, тут же юркала в свое убежище и пряталась с головой, забывая про уши.

Когда я подписал последнюю, он церемонно поклонился.

– Спасибо, ваша светлость. Простите, что оторвал...

– Ничего вы у меня не оторвали, – возразил я. – Всегда пожалуйста. Работа – тоже как бы дело.

– Да, – согласился он, – как бы.

Я проводил его взглядом, чувствуя, как за спиной зашелестело одеяло. В дверях сэр Вайтхолд резко обернулся:

– Кстати, ваша светлость...

За моей спиной вспикнуло, слышно было, как подпрыгнула сама кровать и что-то там заскреблось.

– ...вы говорили о налогах, – продолжил он с самым невозмутимым видом, – я подобрал несколько кандидатур на места сборщиков. Вы рассмотрите их и отберете...

Со стороны кровати доносилось злое и вместе с тем жалобное шипение, словно мелкий зверек прицемил лапку. Ни я, ни сэр Вайтхолд не смотрели в ту сторону, я кивнул и сказал, глядя ему в глаза:

– С утра жду полный список.

Он поклонился.

– Будет на вашем столе.

Дверь за ним закрылась, Изаэль высунулась из-под одеяла, палец во рту по самую ладошку, мордочка жалобная, вот-вот заревет.

– Что стряслось? – спросил я участливо.

– Ноготь сломала, – прошипела она люто, – ну что вы какие-то, я даже не понимаю!.. Ну как так можно, когда так нельзя, и вообще все неправильно!.. А ты чего вообще?

– Государственный муж, – пояснил я. – Себе не принадлежу. То ты меня пользуешь... или вот приготовилась, то эти вот со своими проблемами мира и благополучия всех народов в отдельно взятом королевстве...

Она умолкла, глядя, как я пошел к двери, открыл и велел невидимым ей гвардейцам больше никого не пускать, их государь изволит спать до утра, но если вдруг пожар, война, землетрясение или наводнение, тогда да, можно...

Гвардейцы молча кивают, но в конце коридора показалась фигура бегущего в мою сторону сэра Вайтхолда, он прокричал издали:

– Ваша светлость!.. Срочно!

– Нет ничего срочного, – ответил я сердито, – что не подождет до утра!

– Прибыли послы из Варт Генца, – выпалил он. – Там вспыхнула война!.. Срочно просят аудиенции!

Я стиснул челюсти, и хотя все по плану, но не сейчас бы...

– Хорошо, – сказал я, сдаваясь, – введите!.. Тьфу, пригласите.

Не очень вовремя, правда, но все равно пришлось бы откликнуться на отчаянный призыв вартгенцев, что-то у них опять не заладилось, и хотя прекрасно знаю, что и где, но нужно сделать вид, что вот прямо щас впервые услышал и даже сильно удивился.

Едва я отошел от двери к столу, в коридоре прогремели быстрые шаги, сэр Вайтхолд пропустил ко мне двух лордов. В одном я узнал сэра Герарда, сына барона Валдуина, – отважный и храбрый юноша, отличился при захвате пограничной крепости, с той поры боготворит меня и считает лучшим на свете командиром, на большее пока его фантазия не тянет.

Они преклонили колена, я сказал с неудовольствием:

– Встаньте, господа!.. Я не ваш лорд.

Не поднимаясь с коленей, они смотрели на меня отчаянными глазами. По лицам и одежде я видел, что оба проделали долгий путь, загоня насмерть коней или меняя по дороге, не успевали поесть и промочить горло, пока не домчались до моих покоев.

Старший из них, сурового облика рыцарь, сказал хриплым голосом:

– Ваша светлость, я граф Дарси Блэйк, моя честь, жизнь и мои воинские отряды в вашем распоряжении. Нас послал граф Меганвэйл, он спешит сообщить вам, что результаты выборов короля оспорили графы Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и даже Меревальд Заозерный!

А сэр Герард добавил чистым ясным голосом:

– И сразу же повели войска на столицу, но на подходах передрались между собой!

Я сделал рукой повелительный жест встать, они послушно поднялись, было бы неповиновением продолжать оставаться коленопреклоненными. Оба смотрят на меня с надеждой, глаза измученные на исхудавших лицах, во взглядах вера, что вот вмешаюсь и все прекращу.

– Сядьте, – велел я, – у стоящего мозг работает иначе. Что, и теперь все бьются друг с другом?

Оба послушно подсели к столу, я видел, с каким облегчением их тела приняли эту первую поблажку на долгом пути из Варт Генца.

Сэр Дарси подтвердил угрюмо:

– А еще сообща, с графом Хродульфом. Но наш лорд Меганвэйл спешит сообщить, что самое страшное только начинается! Остальные лорды тут же прекратили сдавать в казну налоги, расходуют собранное на свои войска, начинают войны друг с другом, отнимая земли, деревни, угоняя скот и людей... Моментально начали собираться шайки разбойников...

Сэр Герард сказал отчаянным голосом:

– Граф Меганвэйл настоятельно просит вас, буквально умоляет, прибыть немедленно в страну, король которой называл вас сыном!..

Я проговорил в нерешительности:

– Я понимаю ваши некоторые трудности...

Сэр Дарси охнул и задохнулся от избытка чувств, а сэр Герард вскрикнул отчаянным голосом:

– Трудности? Страна уже полыхает пожарами гражданской войны за королевский трон!..

– Ну, – пробормотал я, – все только начинается... гм... но у меня тут тоже некоторые дела, как бы сказать вот так прямо вслух... Даже не знаю... а не будет это моим грубым вмешательством во внутренние дела суверенного государства, маленького, но гордого и всячески отстаивающего?

Сэр Дарси сказал твердо:

– Дураков, каких мало, у нас много, но в такое время становится все меньше. Одно дело покричать, когда все сыты, другое – когда дом горит! Это не столько желание лордов обратиться к вам, как жажда самого народа, что увидел в вас... уж и не знаю что, но явно больше, чем все мудрецы Варт Генца!

– Народ мудер, – сказал я в задумчивости. – Может быть, он зрит даже то, что не видим мы?.. Хорошо, не будем затягивать разговор на всю ночь. Информация к размышлению получена, а во сне, как говорят, приходят решения. Только бы не таблица какая-нить бесполезная... А утром, господа, я дам четкий и взвешенный ответ, если, конечно, мое подсознание во сне взвесит правильно, а то его у меня иногда заносит до та-а-а-аких оргий, ну вы понимаете... Ах да, сейчас вы такое не понимаете... Лорды?

Они поднялись, разом поклонились и отступили к двери. Сэр Вайтхолд учтиво распахнул перед ними обе створки и поклонился, как бы выражая глубокое и даже искреннее соболезнование.

Я выждал, когда затихли их шаги, приоткрыл дверь и шепотом велел гвардейцам больше никого, а то и ночь кончится, это же такая потеря.

Оба заверили, что костями лягут, я закрыл дверь и начал быстро раздеваться. На кровати возмущенно всписнуло, я видел краем глаза, как существо в одеяле торопливо отвернулось, а когда я лег со своего края кровати, прошипело, как злой барсук из норки:

– Хотя бы свечи задул!

– Так темно же будет, – ответил я резонно. – Только одну и оставил, она еще мельче, чем ты.

– Зачем?

– Чтоб ты лоб не расшарашила в темноте, – объяснил я, – когда пойдешь лунатничать и безобразничать на карнизе.

– Чего это я вдруг встану ночью и полезу на крышу?

Я ответил искренне:

– Да кто вас, эльфов, знает!

Она приподнялась на локте и смотрела в меня огромными блестящими в полутьме глазами. Голубизна потерялась, превратившись в темный фиолетовый цвет невероятной глубины и насыщенности.

– А ты... разве не эльф?.. Если у тебя жена Гелионтэль...

Я опустил взгляд, развел руками в сильнейшем смущении:

– Ты права, я эльф, и жена у меня Гелионтэль... Но я, исполненный мультикультуризма и состыка разных культур и прочих суеверий, вынужден бывать и человеком, как бы вот подступнее о сложном... Ну, ты же эльф, ты меня понимаешь.

Она переспросила тревожно:

– Ты сейчас... совсем не конт Астаральмэль?

Я развел руками:

– Увы, тогда бы я не залез с тобой под одно одеяло. Моя высочайшая и просто предельная нравственность и целибат не позволили бы мне, ага, но если я человек... сама понимаешь,

человеку можно все и даже больше! Широкий человек, широкий, как сказал лорд Федор, и вот, глядя на тебя, мне совсем не хочется этого человека суживать...

Она в ужасе отодвинулась на край кровати.

– Ты что... чудовище?

– Необязательно широкий в ту сторону, – сказал я скромно. – Можно быть широким и в другую сторону... ну там, нежность, вздохи, томление, сю-сю, ням-ням, патя-патя, еще что-то. Но ты не бойся, я, как крупный государственный деятель, на простые человеческие крайности не имею права, я центрист, как и должен быть глава титульной нации людей.

В ее глазищах, сейчас совсем темных, странно и ярко отражается пламя единственной свечи, мне показалось, что здесь оно ярче, чем наяву.

– А как же... Гелионтэль?

Я пробормотал:

– Очень важно жить в ладу со своей совестью и не совершать нехороших поступков. Я думаю, конт Астральмэль делает все верно. Аменгерство – святая вещь! За себя и за того парня...

Она приподнялась снова на локте, одеяло соскользнуло с худенького плеча, глаза тревожно поблескивают в сумраке.

– Так ты сейчас...

– Ричард, – заверил я. – Джеймс... тьфу, просто Ричард. У меня нет на совести недостойных поступков. У меня мораль очень строгая! Просто для разных ситуаций она разная... Ты озябла? Да, у нас здесь прохладно, это не Геннегау...

Я подгрел ее ближе, настолько трусит, что вся трясется, а зубешки стучат, но я уложил ее голову себе на предплечье и лежал спокойно, давая ей возможность хоть чуть пообвыкнуться.

И в самом деле, через некоторое время она сама приподняла голову и с недоверием посмотрела мне в лицо.

– Так вот вы какие... люди?

Я одними кончиками пальцев начал почесывать ей спинку, сперва там все вздрогнуло и напряглось, но я продолжал чесать так же нежно, и она снова медленно успокоилась, даже перебралась головой с предплечья на плечо, чтобы моя загребушая доставала до самой поясницы.

– От тебя хорошо пахнет, – сообщил я. – И вообще ты такая вкусенькая...

Она вздрогнула.

– Ой, я уже боюсь...

– Чего? – спросил я. – Это называется комплиментами, существо.

Глава 3

Она легонько щекотала мне грудь длиннющими ресницами, дыхание ее теплое, в самом деле вся вкусно пахнет лесом, древесной смолой и муравьями, а это так свежо и мило после приторных ароматов придворных дам.

– А тебе можно, – спросила она, – как человеку, вот так под одним одеялом с эльфийкой?

– Простому человеку нельзя, – объяснил я, – но можно мультикутурусту и мультикультурнику, что есть связующее звено между народами, культурами, религиями, конфессиями... не знаешь, что это?.. и даже видами... потому мне можно все.

Она вздрогнула под моей все более разогревающейся ладонью и попыталась отодвинуться.

– Все?

– И даже больше, – сообщил я.

Она в страхе и в то же время пытливо, решившись на что-то отчаянное, посмотрела в мое лицо. Я старался держать его честным-пречестным. Мне даже показалось, что в ее огромных дивных глазенапах мелькнуло некое разочарование, словно «можно» не так интересно, как попробовать нарушить то, что «запретно».

– И даже больше, – повторил я.

Она, как показалось, так и лежит, распластанная, как лягушка, в той же позе, в какой я ее оставил. На лице изумление, но когда я пошевелился и начал подниматься, вздрогнула и распахнула изумительные громадные озера синих глазищ, ясных и чистых, хотя и слегка заспанных.

– Что, – пропищала она испуганно, – уже утро?

– Увы, – ответил я. – Ночь коротка.

Она попробовала пошевелиться, скривилась, даже ойкнула.

– Ну ты и зверь... Что ты со мной делал?.. Больно-то как...

– А что ты со мной делала, – сказал я загадочно и с мечтательным выражением.

Она ахнула:

– Я?... Да я лежала тихая, как мышечка!.. А сейчас, как лягушка, на которую лось копытом...

– Я еще тот лось, – похвалился я. – Если хочешь, жрать подадут в постель.

Она начала подниматься, охая, как старушка, и хватаясь за спину.

– Зачем тебе надо, чтобы меня такой увидели?

– А похвастать? – удивился я. – Сразу всем разнесут, что у меня в постели побывала такая необыкновенная красotka!

Она довольно заулыбалась, уже с достаточной легкостью сползла на пол, критически осмотрела себя в огромном зеркале, словно превращение невинной девушки в женщину тут же отразится заметными изменениями.

– Так вот ты, гад, какой, – сказала она задумчиво, – бедная Гелионтэль...

– Ну знаешь ли, – сказал я чуть обидчиво, – мы же с ней не сами по себе, а для дела! Исполняем долг по древнему и, как я понимаю, священному закону! Да и вообще... Что тебе Гелионтэль? Я ж тебе еще вчера долбил, что с Гелионтэль я – ее муж, конт Астральмэль, а здесь с тобой я – Ричард Длинные Руки!

Она вздрогнула, брезгливо отодвинулась от меня, но не от зеркала.

– Какой ужас! Я что, спала с человеком?

– И еще храпела, – сказал я обвиняюще. – Ладно-ладно, не дерись, похрапывала. Изредка. Мило так это. И задней ногой полягивала малость...

– Это потому, – сказала она, – что ты ее придушил, а я пыталась освободиться от твоей жестокой тирании! Люди – тираны, теперь я в этом убедилась. И душители свобод. И вообще вы хитрые!.. Как сумел меня заманить и обесчестить – ума не приложу. Наверное, колдовством?

Она все еще придирчиво рассматривала свое отражение, поворачивалась так и эдак, у эльфов зеркал нет, вчера так жутко стеснялась, что даже уши прятала, а теперь вот очень деловито старается рассмотреть, хорошо ли торчат сзади ее такие безукоризненные булочки, что и сейчас бы ухватил зубами.

Я кивнул:

– Да, колдовством. Вполне годится для оправдания перед родителями, если вдруг что заметят.

Ее глаза зажглись любопытством пополам со страхом.

– А что, это может быть заметно?

– Не сейчас, – утешил я.

– А когда?

– Через несколько месяцев, – сообщил я.

Она не сразу врубилась, потом подпрыгнула:

– Что? Ты хочешь сказать...

Я поспешно отступил:

– Ну-ну, не царапайся, не кусайся и не бодайся. Ничего не хочу сказать. Так, намекиваю исподтишка, для вящей безопасности. Мы ж люди, а они все гады коварные, теперь знаешь.

Она ахнула:

– Ты хочешь сказать, что могу выносить ребенка и даже родить, не пройдя Великий Обряд в Круге Великой Тайны Бытия, где навечно соединяются узами брака двое, и не получив на это благословения Древней Богини?

Я пробормотал несколько настороженно:

– Ну, вообще-то да... Антураж и танцы – здорово, сам люблю, но для таких дел можно и в подворотне... в смысле, просто в кустах. Странное дело, конечно, но установлен удивительный факт, что количество выпитого и сожранного на свадьбе ну никак не влияет ни на пол ребенка, ни вообще на зачатие...

Она ахнула:

– Врешь!

– Клянусь! Были такие исследования...

– Но тогда зачем?

Личико ее было полно недоумения.

– Не знаю, – сказал я.

Она гордо выпрямилась:

– Ты все врешь! Люди лгут. То, что ты говоришь, просто невозможно. Без благословения Древней Богини зачатие невозможно. Да и вообще... раз в сто лет!.. И никак иначе.

Я сказал с облегчением:

– Правда?.. Фу-у-у... гора с плеч. А то я как-то еще не готов еще раз стать отцом. Надо сперва на ноги встать, империю построить, молодильные яблоки вырастить, Конька-Горбунка для ребенка поймать заранее... тьфу, а вдруг девочка?.. В общем, ты молодец, сразу все разрулила и успокоила. Давай сейчас поедим, а потом решим всякие мелочи. Мне надо или не надо ехать в Эльфийский Лес?

Она посмотрела на меня с прищуром:

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – ответил я честно.

– А как поступают люди?

Я вздохнул. Как поступают люди, тоже мне вопросец. Если начну отвечать всерьез, то перечислять буду еще года два. Люди на то и люди, что разные.

– Я же там не людь, – пояснил я, – а конт Астральмэль. Что бы сделал конт?

– Немедленно помчался бы к жене, – сказала она злорадно, – и поздравил бы с такой удачей!

Я пробормотал озадаченно:

– Это удача?

– Ну да, – ответила она. – Девочки живут в несколько раз дольше, ты разве не заметил, что у нас на каждого мужчину не меньше сорока женщин?.. К тому же мужчины умирают чаще от неведомых болезней, а женщины даже не болеют. Но все равно род считается по мужчине, потому что только он может его продлить...

Дверь приоткрылась без скрипа, вошел сэр Вайтхолд. Изаэль вспикнула и в мгновение ока очутилась под одеялом, только две белые булочки эльфийской попки мелькнули и остались висеть в воздухе, как улыбка чеширского кота.

Сэр Вайтхолд даже не повел в ту сторону взглядом, невозмутим и строг, как дворецкий с двадцатилетним стажем, настоящий аристократ.

– Ваша светлость, звали?

– Вот что, сэр Вайтхолд, – сказал я веско, – при всех наших бедах, нам все же досталось исправно функционирующее королевство...

Он переспросил:

– Фун... ци?.. Ниру... щее?

– Работающее, – объяснил я. – Ну ладно, исправное!.. Мы ничего в нем не поломали, кроме домов, стен, огородов и чьих-то жизней, что полная ерунда, этого не жалко. Наша задача как минимум – удержать все в том же виде, чтобы пятая колонна, это такие местные гады, не разрушила систему, чтобы поживиться на обломках.

– Ваша светлость?

– Сэр Вайтхолд, – заявил я официально, – ко всем вашим нагрузкам я возлагаю на вас еще и налоговую полицию. Ну, если вы не ухитритесь найти кого-то, кто смог бы заменить вас и все выполнять так же блестяще.

Он переспросил несколько ошалело:

– Какую-какую?

Я сказал строго:

– Не кривите это самое вельможное и с длинной родословной. Налоги – самое важное для выживания! Если нам не будут их платить и выплачивать, нам придется превратиться в разбойников, которые все добывают силой. Но должны собирать мои люди, а не местные лорды, как тут снова пытаются замутить...

Он охнул, рука дернулась к мечу.

– Местные? Да как они...

– Погодите, – сказал я, – они якобы будут собирать для меня. Но мне такой любезности не надо, это вроде бы ясно?

– Почему?

– Потому что сегодня собирают, – объяснил я, – а завтра перестанут. Вернее, начнут собирать в свой карман. А если буду собирать я, то я в чужой не положу точно.

Он посмотрел на меня с уважением:

– Да уж, в это я верю.

– Потому немедленно, – велел я, – прямо сегодня в срочном порядке отберите орлов помоложе, они честнее, которые проедут и в самые дальние земли Турнедо и проверят, чтобы налоги шли прямо ко мне в Савуази. Если какой-то сеньор заартачится, начнет ссылаться на древние вольности, то старайтесь проблему ликвидировать сразу, не давая, чтобы из искры

возгорелось пламя, обойдемся без декабристов. Я был душителем таких свобод и останусь им. У меня не повольничаешь, не посепаратничаешь!

По его лицу я видел, что такое ему не очень нравится, но понимает важность, поклонился и сказал ровно:

– Займусь сейчас же.

Как только дверь за ним закрылась, Изаэль высунула голову из-под одеяла и прошипела:

– Они что, заходят вот так... без зова?

– Только сэр Вайтхолд, – объяснил я. – Он мой личный секретарь, а также канцлер и премьер-министр. Если он будет каждый раз стучать и ждать, когда я скажу, что можно... В общем, у людей так, дорогая.

Она вылезла из-под одеяла с сердитым видом, глаза смотрят с укором.

– А я думала, – заявила она, – ты здесь главный.

– Понял, – сказал я, – сейчас есть принесут...

Я хлопнул в ладоши, она вспикнула и снова быстрее мыши юркнула под одеяло. Вошел слуга, я молча указал на пустой стол.

Он осведомился:

– На двоих?

– На полторы, – уточнил я. – Хотя... гм... то, что спряталось под одеялом, может жрать и за троих. Знаешь, ворона маленькая, а рот здоровый.

Он поклонился и вышел, а из-под одеяла высунулась нога и больно лягнула меня в бедро.

Пользуясь тем, что одеяло закрывает обзор, я снова насотворял деликатесов, сладких печений, шоколада всех видов, а закончил мороженым, фантазия у меня ни к черту.

Двое слуг весьма удивились, что стол уже наполовину заставлен, я буркнул, что пока телились, их коллеги уже постарались. Они переложили на столешницу половину блюд, остальные унесли, а я придвинул стол к постели.

– Налегай, – предложил я. – Кто знает, когда будем есть в следующий раз.

– Почему?

– Жизнь непредсказуема.

– Глупость, – заявила она непрекаемо. – Все давно predetermined. А это вот что такое вроде раковины?

– Шоколадка, – ответил я. – Лопай-лопай.

Она разохотилась и в самом деле очистила половину стола почти быстрее меня, потом пришли слуги, она снова юркнула под одеяло. Они механически убрали со стола посуду, а стол отнесли на прежнее место.

Я поинтересовался:

– Ты там вьешь гнездо? Или роешь норку?

Она вылезла, гордо выпрямилась и сказала сердито:

– Так у тебя тут ходят...

– Хочешь, – предложил я, – дверь пока запру?

Она сказала обрадованно:

– Как ты раньше не догадался!

Я поднялся, но только сделал шаг к двери, как она распахнулась во всю ширь, сэр Вайтхолд появился чему-то очень довольный и провозгласил громко:

– Ваша светлость, к вам сэр Клемент Фицджеральд!

Я не видел кровати, но чувствовал, как она затряслась под прыгнувшим на нее существом, а затем под одеялом трусливо затаился лесной зверек, даже дыхание задержал.

– Зови, – ответил я.

Он все-таки бросил сочувствующий взгляд в сторону кровати, хоть и не на саму кровать.

– Да, конечно, ваша светлость.

Он вышел, а я прошипел строго:

– Пикнешь, убью.

Она пропищала:

– Мне и тут страшно...

– Под одеялом? – изумился я. – Но...

Дверь распахнулась, вошел сэр Вайтхолд, а с ним быстро и уверенно, несмотря на свою громадность, сэр Клемент Фицджеральд, поджарый, бодрый, с суровым лицом воина, что всегда готов, и еще как готов. Он сразу заметил горбик под одеялом, метнул на него настороженный взгляд, а широкая ладонь, как сама по себе, легла на рукоять длинного меча.

Глава 4

Мне его богатырская фигура напомнила другого гиганта, который так много попортил мне крови, я спросил сэра Вайтхолда:

– Кстати, что с Сулливаном?

Он ответил с поклоном:

– В пути, если еще не прибыл в земли, куда вы его послали. Кстати, он вам обязан еще и титулом герцога, вы не знали?

– Нет, – ответил я заинтересованно. – Как это?

– У герцога Джонатана Меерлинга, – пояснил он, – казненного за измену, были родственники и поближе Сулливана. Тому бы ничего не светило, но отвага Сулливана, что осмелился бросить вам вызов и отстоять независимость своего феода в поединке лично с вами, настолько всех впечатлила, что комиссия по геральдике сочла его наиболее достойным на титул герцога.

– Здорово, – сказал я, стараясь не обращать внимания, что сэр Клемент как бы нечаянно развернулся так, чтобы встретить вовремя, если из-под одеяла выскочит нечто и ринется на его сюзерена с кинжалом в руке.

– Так что, – закончил сэр Вайтхолд победно, – он обязан вам не только титулом барона, но и герцога! Думаю, ему уже объяснили...

Я посмотрел на него пристально. Он усмехнулся и опустил скромно взгляд.

– Надеюсь, – пробормотал я, – это осознание поможет ему... не то чтобы там все наладить, в тех землях все осталось неразоренным, а удержаться в лояльности ко мне.

Он произнес осторожно:

– С Сулливаном все будет сложно. Гонору больше, чем было у герцога, а власть признает только ту, которую сочтет справедливой.

Я отмахнулся:

– Ладно, мы не зря спихнули его подальше. Будучи зажатым между Турнедо и Варт Генцем, не больно поартачишься. Что насчет сбора налогов? Чует мое сердце...

Он поклонился.

– У вас замечательное и чувствительное сердце, ваша светлость, если, конечно, оно у вас в таком странном месте. Вот, прошу просмотреть...

Он выложил на стол два листка бумаги.

– Что там? – любопытствовал я.

– Кандидаты в сборщики налогов, – сказал он победно. – А вот благородный сэр Клемент Фицджеральд, которого вы недавно отметили за выдающиеся заслуги... он жаждет послужить вам и в мирное время.

– Сравнительно мирное, – пробормотал я, – та-а-ак, список у вас о-го-го... Но здесь почти все благородные рыцари!

Сэр Вайтхолд кивнул:

– Все верно, ваша светлость. Благородные не воруют. К тому же я убедил сэра Клемента, насколько это важно для выживания всего королевства.

Я пробормотал:

– Даже больше, чем королевства.

– Ваша светлость?

Я покачал головой:

– Все в порядке, сэр Вайтхолд. Вы проделали огромную работу. Сэр Клемент, мне просто неловко возлагать на вас эту работу. Некоторые не слишком умные рыцари могут счесть ее недостаточно аристократичной... однако она не просто важна... без нее все рухнет.

Он поклонился и прогрехотал красивым мужественным голосом:

– Ваша светлость, я весь ваш душой и телом. Вы дали смысл моей жизни. Располагайте мною, как никем не располагали.

Я подошел к стене, снял плащ Изаэль, вернулся к постели, сэр Вайтхолд предпочел демонстративно и очень упорно смотреть на стол со списками, а сэр Клемент бесцеремонно наблюдал, как я приподнял край одеяла, там мелькнуло нечто ослепительно светлое, сунул туда плащ и снова опустил одеяло.

Сэр Вайтхолд оставался с непроницаемым лицом, а я объяснил ему:

– Это чтоб сэр Клемент не думал, что я тут ха-ха!.. развлекаюсь!.. Мы тут работаем, постоянно работаем над международными и межвидовыми проблемами...

По властному взмаху моей длани они повернулись к столу, я указал на листки и поинтересовался:

– Как быстро эти люди могут приступить к исполнению обязанностей?

Сэр Клемент грянул могучим голосом:

– Немедленно, ваша светлость...

Голос его перешел на писк, потому что Изаэль, кутаясь в плащ, выбралась из-под одеяла. С босыми лапками и распущенными золотыми волосами, она показалась особенно трепетно беспомощной и беззащитной, а когда подняла длинные густые ресницы и взглянула на всех нас, сэр Клемент охнул, схватился за сердце и рухнул перед нею на колени.

– Это... это же...

Я сказал устало:

– Именно. Представитель иного мира. Мы в сложных дипломатических переговорах о взаимодействии по поводу искоренения коррупции, культурного диалога и неприменения силы в спорных вопросах финансового коридора...

Сэр Клемент вскричал воспламененно:

– Леди!.. Позвольте стать вашим рыцарем!

Сэр Вайтхолд посмотрел на него в великом изумлении, сэр Клемент известен в нашем кругу даже несколько угрюмым нравом, чересчур строг, суров и немногословен и совсем не куртуазный галантерейщик.

Изаэль, пугливо кутаясь в плащ, продолжала стоять жалобными босыми лапками на холодном полу и смотреть на него громадными испуганными глазами, что, несмотря на хмурое утро, изумительно радостно-синие, чистые и невинные.

Я сказал с неловкостью:

– Разумеется, леди Изаэль великодушно примет ваше галантное предложение, сэр Клемент... как только поймет, что это. Мы только начали диалог культур, как водится – с главного, и так постепенно продвинемся в сложных вопросах взаимопонимания... до некоторого понимания... хотя разность культур и восприятия, как вы понимаете, весьма усложняет весь процесс.

Сэр Вайтхолд сказал с упреком:

– Не щадите вы себя, ваша светлость!.. Все об отечестве и об отечестве радуете денно и ночью!.. Мы вот вечером пьем, ночью спим, а вы и ночью дипломатические связи устанавливаете!.. Хорошо, я вашу директиву понял, мы с сэром Клементом сейчас соберем рыцарей и каждому дадим четкое понятное задание, чтобы даже они поняли.

Он почти силой поднял обалделого сэра Клемента и, толкая в спину, выпроводил за дверь и сам вышел с ним.

Изаэль проводила их громадными испуганными глазами.

– Чего это он? – спросила она шепотом.

– Влюбился, – пояснил я. – Безумно и страстно, как могут только рыцари, которым не надо думать о добывании хлеба. Теперь будет только ради тебя совершать подвиги и бить в морду тех, кто возразит насчет того, что ты самая красивая на свете!

Она вздрогнула, огромные глаза стали совсем огромными.

– Бить?

– Ну да, – подтвердил я. – А как иначе? Лорд Чехов сказал, что если зайца бить, он научится свечки зажигать. Битье определяет сознание! Теперь весь мир должен говорить, что ты – сама красивая. Кто не скажет – того в морду. Вот так, моя милая, добро пожаловать в понятное и логически законченное мироустройство людей!

– Да вы совсем чудовища, – воскликнула она с возмущением. – Хотя вообще-то как-то даже и почему-то вроде бы...

– ...приятно? – спросил я с пониманием.

– Точно, – сказала она. – Льстит, хотя это совсем нехорошо!

– Оденься, – предложил я. – А то зайдем куда-нить, плащ надо будет снять... Хотя, может быть, и в самом деле не нужны эти дурацкие платья?

Она сказала с негодованием:

– Для кого дурацкие, а для кого и красивые!..

– Сядь вон там, – попросил я. – У меня сейчас будет важный разговор с лордами, нужно сосредоточиться, иначе окажусь в глубокой... скажем, луже.

Она в удивлении огляделась:

– А где тут лужи?.. Или ты хотел сказать, как мне показалось, что-то другое?

– Не пиши, – сказал я автоматически, уже думая о том, что земель под моей властью прибавилось, что как бы хорошо, если на взгляд дурака, но умный понимает, что чем крупнее корабль, тем быстрее разломится под собственным весом. Но плохо то, что умный на всем свете только я, а остальные будут обижаться, что не хапаю еще и еще, это же считается им тоже, слава вождя – их слава.

В старину, как я помню, управление огромными территориями решалось просто: королевский двор никогда не пребывал в каком-то определенном месте. Разъезжал всюду Карл Великий еще до того, как стал императором, разъезжал Вильгельм Завоеватель, как и десяток наследовавших ему королей, разъезжали все короли Франции... У всех у них были свои замки и крепости, разбросанные по всему королевству.

К примеру, только в Уэльсе у Эдуарда I было четыре прекрасно укрепленных замка: Карнарвон, Харлек, Бомарис, а Конви – так вообще суперкрепость с протяженностью стен в милю, двадцатью мощными башнями и тремя воротами!

Все короли перемещались со своим двором, тогда это был единственный способ реализации власти в королевстве, где еще не существует бюрократического аппарата на местах.

Однако и в этом случае все империи разваливались, не помогали эти перемещения, только на некоторое время удерживали в общих границах, но крепчайший сепаратизм побеждал...

У меня дела еще хуже: все местные властные структуры, то есть владетельные сеньоры: герцоги, графы, бароны и прочие – идут за мной только потому, что веду от победы к победе, обогащаю их, и хотя все они, конечно, борцы за идею, но титулы и новые земли надежно защищают их от насмешек тех, кто остался дома.

Но что будет, если потерплю поражения... Не мелкие, что можно пережить, а настоящие? Если от меня отшатнутся лорды хоть Армландии, хоть Сен-Мари, у меня нет ни малейших рычагов, чтобы привести их к повиновению... Все деньги у них, войска у них, земли у них...

Чтобы переломить ситуацию, я только что сделал очень серьезный шаг: налоги начнут собирать мои люди, а не лорды на местах. Да, конечно, о недоверии не может идти и речи, тем более что я большую часть земель раздал своим верным сподвижникам, просто благородные люди не должны заниматься таким унижительным делом, как собирание налогов.

Да, начнут рыцари сэра Клементы, но, во-первых, первый круг должны пройти строго доверенные лица, чтобы не поломать все, во-вторых, все они простые и безбаннерные, даже безлошадные рыцари, что для меня крайне важно, для таких опора – я.

Изаэль быстро-быстро влезла в платье, все проделывала возле кровати, чтобы в случае чего сразу нырнуть под одеяло. Наконец одернула на себе, расправила складочки и покрутилась перед зеркалом, стараясь рассмотреть затылок и недоумевая, почему не получается, что за дурацкое зеркало.

– Поворачиваешься медленно, – буркнул я. Она хотела что-то взнявкнуть, я предостерегающе вскинул ладонь: – Молчи, удавлю. Сэр Ричард думает.

Во всех этих королевствах, как и во всем мире, феодалы на зов короля, призывающего на войну, обязаны являться со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет. Спасибо за труд, но эту грязную работу возьму на себя. Ну, не совсем на себя, но у меня есть смышленные простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию. Собирать отовсюду, а комплектовать так, чтобы не только от одного сеньора, но даже из одного села не оказывалось в одном и том же отряде!

Третье: благородные люди не обязаны заниматься такой мелкой ерундой, как выслушивание жалоб простолюдинов друг на друга. Велю всюду учредить народные суды присяжных, и пусть эти земляные черви сами разбираются в своих дрязгах...

Если это правильно подать, то меня поддержат и те, по которым эти реформы потом ударят. Просто сразу незаметно, а мне нужно совсем немного времени, чтобы создать если не полностью наемную армию, так называемую королевскую, то хотя бы крепкий ударный кулак...

За моей спиной пропищало:

– А как это... дама сердца?

– Чистая любовь, – объяснил я автоматически, очень уж люблю просвещать народ, можно свой умище показывать. – Настоящая, возвышенная. Ради которой человек творит подвиги и даже чудеса. Он может быть женат и с кучей детей, но верно и преданно любить, к примеру, чью-то жену или дочь, неважно.

Она спросила наивно:

– А что ее муж?

Я удивился:

– Что муж? Муж должен быть польщен, что его жену любят чисто, нежно и возвышенно... платонически, так сказать. Кстати, я тебе говорил, чтобы не похрюкивала?

Она испуганно съежилась, умолкла и надолго задумалась. Я пытался вернуться к прежнему ходу мыслей, но это пустяки сразу же лезут в голову, а умное пойдй поймай снова за скользкий хвост, подумал раздраженно, что вот перебила свинья Отче Наш, пусть же теперь сама Богу молится, прошел к двери и, приоткрыв, крикнул:

– Сэр Вайтхолд, как там народ? Собирается?

Он появился из своей комнатки, в руках бумаги, ответил живо:

– Половина зала уже заполнена. Можно начинать, остальные подтянутся позже.

– Подождем чуть, – буркнул я. – Надо уважение выказывать подданным. Это окупается.

Несмотря на разгорающийся день, за стенами замка сумрачно, небо закрыто тучами, зато по эту сторону светло и почти солнечно. Я еще в Сен-Мари «изобрел» и велел снабдить весь дворец переносными светильниками-фонарями, что резко повысило освещенность всех помещений и коридоров.

Разумеется, первыми экземплярами велел снабдить собор, чтобы таким образом как бы освятить и узаконить. Вызвал мастеров, объяснил принцип работы выдвигающегося фитиля, смачиваемого маслом, велел начинать массовое производство, пока конкуренты не поняли нехитрый принцип и не подсутились раньше.

Эту же технологию принес и в Савуази, теперь здесь факелов не осталось вовсе, дикость какая, любой слуга может взять переносной светильник и спуститься с ним хоть в самый глубокий подвал, масла хватает на несколько суток, а потом всего лишь подлить, и всех делов.

Прозрачные стенки фонарей защищают от любого ветра, так что работы слугам поубавилось, на меня стали смотреть не только со страхом, но и с уважением.

Я слышал, как внизу нарастает гул голосов, во дворе все чаще слышится конское ржание, грубые голоса. Вообще-то надо запретить вот так, верхом, в сие важное место, ибо дворец – это не здание, а весь комплекс с огромным садом, начиная от дальних ворот, и с десятком еще разных зданий.

Ничего страшного, если прогуляются от ворот...

Сэр Вайтхолд заглянул, на этот раз уже заметил одетую и причесанную Изаэль, приятно изумился, поклонился и притопнул ногой, затем улыбка упорхнула с его лица, мне он сказал почти грубо:

– Ваша светлость, лорды в главном зале.

– Иду, – ответил я. – Нельзя заставлять народ ждать.

Он поморщился, я упорно зову лордов народом, пошел за мной следом и плотно притворил за собой дверь. Мне показалось, что очень хотел бы и запереть, несмотря на двух рослых гвардейцев на страже по обе стороны и двух вышколенных слуг.

Глава 5

Церемониймейстер прокричал звучно-радостно и с подъемом:

– Его светлость, лорд Ричард!

Я быстро шел по коридору к распахнутым дверям зала, где слышится шорох одежд встающих мне навстречу лордов. У самого входа замерли, как статуи, огромного роста стражи, я перешагнул линию и ощутил на миг, что ошеломлен обилием красок, золота и драгоценных камней, дорогой одежды.

В Сен-Мари одеваются не менее ярко, но там все цветисто и празднично, а здесь при постоянно серых днях и в суровых серых стенах дворца это великолепие бьет в глаза и заставляет радостнее стучать сердце.

Быстрыми шагами я прошел к трону Гиллеберда, прикоснулся к покрытому золотом подлокотнику, но не сел, а повернулся с отеческой улыбкой к собравшимся.

– Я не буду садиться, – сказал я, – из почтения к собравшимся, что олицетворяют все лучшее, что есть в Турнедо: ум, честь и совесть нашего королевства, а также мощь, богатство, великолепие, понимание проблем и нужд нашего славного отечества!.. Прошу всех сесть, вы люди заслуженные, а я еще молод, меня учили в детстве стоять перед старшими и уважаемыми людьми.

Переглядываясь, они начали опускаться, на лицах глубокое удовлетворение, на меня смотрят покровительственно, зато сэр Вайтхолд, Клемент Фицджеральд, Каспар Волсингейн, барон Саммерсет, виконт Рульф, доблестный сэр Геллермин и остальные великие герои Армландии – как один человек поморщились, в глазах недоумение, с чего бы это я прогибаюсь перед побежденными, это мы захватили их королевство, а не они нашу Армландию, как собирались...

– Король Гиллеберд, – продолжал я громко, – поступал очень мудро, и чем больше я узнаю о делах и свершениях этого великого человека, крупнейшего политика и необыкновенного государственного деятеля, тем больше склоняюсь перед его гением!

Лорды довольно закивали, начали перешептываться, поглядывая на меня с одобрением. Всегда приятно, когда чужак признает их превосходство, тем более победивший чужак.

– Он создал лучшую в мире армию, – сказал я с восторгом в голосе. – Подумать только, во всех остальных королевствах, какие я знаю и которые потому и уступают величии Турнедо, что там... ха-ха!.. сеньоры обязаны являться на зов короля со своим войском, которое укомплектовывают и содержат за свой счет! Свинство какое, не правда ли?.. Потому их армии и терпели всегда поражение, сталкиваясь с равными по численности войсками Турнедо!

В зале загалдели довольные голоса, что да, все на их плечи, а короли там только пьют да жрут, отращивая животы, не то что великий Гиллеберд, который даже в свои преклонные вроде бы годы брюхатил женщин и мог запрыгнуть на скачущего коня.

– Конечно же, – добавил я, – глупо и недостойно рушить то, что создал великий Гиллеберд, что возвеличило Турнедо и возвело королевство на вершину славы!.. Я, как и мудрый Гиллеберд, эту грязную работу возьму на себя. Ну, не совсем на себя, у меня есть смышленные простолюдины, которым нравится работать, а не упражняться, как нам, благородным, с оружием. Вот они, простолюдины, и будут собирать рекрутов и комплектовать армию!

В зале снова одобрительно кивали, я даже слышал отдельные голоса, что да, все правильно, они ж тоже в своих владениях тяжелую работу по управлению землями и крестьянством поручают самым смышленным из простолюдинов, те из шкуры вон лезут, только бы угодить им, хозяевам...

Я втихую перевел дыхание, пока все идет как по маслу, в таких делах главное – честный искренний голос, придыхание в нужных местах и блеск в глазах на моем полном благородства и чистоты намерений лице.

– Благородные люди должны думать о том, – сказал я, – что они являются хребтом королевства, на котором оно держится!.. Мы должны быть образцами чести, благородства и хороших манер... перечислять долго, вы сами знаете, чем отличаемся от черни. Благородного человека должно быть издали видно!.. А теперь давайте займемся текущими делами и тактическими вопросами...

Я, наконец, сел в тронное кресло, опустил руки на подлокотники, поза державного мужа, и приготовился выслушивать жалобы, предложения, просьбы, советы, а также принимать прошения и разрешать возникающие споры.

После долгого приема, что длился пять часов без перерыва, я чувствовал себя выжатым, как мокрая тряпка в руках умелой поломойки, зато даже самые скованные в начале лорды переговариваются в зале и поглядывают на меня с явным одобрением, кивают друг другу, враждебности пока не вижу вовсе.

Как водится, в честь прибывших закатали пир. Я посидел, выслушал громогласные тосты, затем пожелал всем хорошего аппетита и как можно более вальяжной походкой, мол, в Багдаде все спокойно, вышел через царскую дверь во внутренние покои, а оттуда уже во двор.

Мои лорды, еще раньше получив сигнал, что я скоро покину пир, уже там стоят группками, окружив посланцев из Варт Генца. Некоторые прогуливаются парами, степенно обсуждают, что же там такое их лорд говорил и в чем его хитрость.

Барон Саммерсет, самый знатный из прибывших из Армландии лордов, но вовсе не дурак, взял меня за локоть и провел в задумчивости несколько шагов.

– Думаете, – проговорил он с сомнением, – проглотят сладкого червячка? Не дураки же в самом деле, отказываться от собственных армий!

– Ну дураков не так уж и много, – пояснил я свой мудрый ход. – Конечно, вы правы, на них все и держится, но... во-первых, большинство все же работать не любят, а содержать собственные войска, пусть даже дружины – накладно. Во-вторых, Гиллеберд уже и так у большинства отнял это право полунезависимости от короля. В-третьих, эти самые умные и проницательные видят, что я не уступлю Гиллеберду в крутости, а так как за мной все еще право победившей стороны, то вполне могу пройти по королевству казнями и конфискациями...

Он подумал, кивнул:

– В этом случае да, пожалуй.

– Речь была убедительной?

– Вы умеете подбирать доводы, – сказал он одобрительно. – Хотя вот этот жест... ну, когда они сидели, а вы перед ними стояли... это ни в какие ворота!

Я небрежно отмахнулся:

– Сэр Саммерсет! Разве для того постоять не стоило?.. Я должен делать все, чтобы здесь у каждого снова не появилась своя армия. Если учитывать, что Турнедо все-таки не наша Армландия, а завоеванные нами земли, то таким захватчикам, кем являемся мы, вскоре пришлось бы весьма несладко, в том смысле, что снова завоевывали бы отдельно каждый клочок земли, каждое хозяйство!

Он вздохнул:

– Да-да, вы правы. Пока две армии Гиллеберда сейчас несут охрану в Тарасконе...

– Уже отправлены в Гандерсгейм, – сообщил я.

– Тем более, так далеко! Здесь, конечно, не должны появляться ни у кого собственные вооруженные отряды. Вы правы.

Я раскланялся, поулыбался.

– Барон, вы настоящий стратег! Все видите насквозь!.. Жаль, с удовольствием общался бы с вами весь день, припадая к вашей глубинной, можно сказать без преувеличения, мудрости, но сэра Вайтхолд заготовил для меня кучу бумаг на просмотр и подписание...

– Идите, – сказал он отечески, – обязанности есть обязанности.

Я с самым деловым видом отправился во дворец, бумаги сэра Вайтхолда пока подождут, кивком подозвал сэра Дарси и сэра Герарда, они неотрывно следили за мной взглядами и подбежали тут же.

– Я всю ночь думал, – сообщил я, – и проникновенно размышлял о высоком и просветленном, входил в Астрал и получал оттуда... да, получал. Потом меня догоняли, чтоб я получил еще. И вот в тягостном размышлении о падении нравов и покупательного спроса я пришел к выводу, что если человек тонет и кричит о помощи, то, видимо, его надо бы вообще-то спасать, хотя это для нас и нехарактерно, но закономерно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.